

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

DOI: 10.12731/2218-7405-2017-12-124-140
УДК 316.356.2

МОТИВЫ СУБЪЕКТА РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Черешова С.В.

Работа посвящена теоретико-методологическому анализу в области мотивов субъекта родительского труда. Основываясь на анализе философских и социологических теоретических источников, автор последовательно проверяет возможность интерпретации мотивов субъекта родительского труда с точки зрения теории М. Вебера, теории социальных систем Т. Парсонса, теории символического интеракционизма Дж.Г. Мида и Г. Блумера, а также концепции мотивации А. Маслоу. Отмечая явные достоинства каждого из проанализированных подходов, автор приходит к выводу, что каждый из них демонстрирует концептуальную уязвимость и не может быть в полной мере использован для интерпретации мотивов субъекта родительского труда. Автор предлагает использовать как альтернативу этим подходам теорию детерминации человеческого поведения, предложенную А.В. Меренковым. Опираясь на подход А.В. Меренкова, автор рассматривает мотивацию субъекта родительского труда сквозь призму необходимостей и потребностей, с которыми этот

субъект сталкивается. Опора на подход А.В. Меренкова позволяет автору выделить 7 ключевых мотивов субъекта родительского труда: любовь, продолжение рода, общественный долг, личный долг, изменение социального статуса, материальная выгода, компенсация нереализованных амбиций.

Ключевые слова: *труд; родитель; родительский труд; субъект родительского труда; мотивация.*

THE MOTIVATION OF THE SUBJECT OF PARENTAL LABOR: THEORY AND METHODOLOGY

Chereshova S.V.

The paper is devoted to the theoretical analysis of motivation of the subject of parental labor. Using the analysis of philosophical and sociological theories, author consistently tries to explain the motivation of the subject of parental work by implementation of the theory of social action (M. Weber), the theory of social systems (T. Parsons), theory of symbolic interactionism (J.H. Mead and G. Blummer), as well as the conception of motivation by A. Maslow. The author notes, that each of these conceptions has its own benefits, but at the same time they also have strong vulnerabilities and none of them can be used for successful explanation of motivation of the subject of parental labor. The author suggests, that the most successful interpretation of motives of the subject of parental labor can be found by using the theory of determination of human behavior, proposed by A.V. Merenkov. Relying on the approach of A.V. Merenkov, the author examines the motivation of the subject of parental labor through the necessities and needs of the subject. Using the theory of A.V. Merenkov helps to identify 7 key motives of the subject of parental labor: love, continuation of the family, public debt, personal debt, changing social status, material gain, compensation for unrealized ambitions.

Keywords: *parent; work; parental work; motivation; subject of parental work.*

Тезис о принципиальной возможности рассмотрения деятельности, связанной с рождением и воспитанием детей, в качестве полноценной разновидности труда в современных общественных науках встречается относительно часто. Более того, в работах целого ряда авторов (М.Г. Абиловой [1], А.П. Багировой [2], Д.Г. Быковой [6], А.М. Ильшева [10], М.М. Пшеничниковой [18], а также целого ряда других авторов) представлен проработанный методологический инструментарий, который может быть положен в основу эмпирических исследований, отталкивающихся от данного тезиса. Само по себе возникновение интереса ученых к такой проблематике закономерно и обусловлено спецификой развития самой социальной теории: по сути мы видим логическое продолжение идей У. Бека [4, с. 166], А. Тоффлера [19, с. 224] о том, что в современном социуме под понятие труда вполне могут попадать даже такие разновидности жизненных практик человека, которые ранее было принято рассматривать только как досуг или личную жизнь. Вероятно, играет свою роль и то, что с управленческих позиций рассмотрение родительских практик как подвида труда тоже удобно – ведь при таком раскладе государству проще разрабатывать и применять различные подходы к стимуляции эффективности деятельности, которую совершают родители. Таким образом, в целом сама идея о перспективности анализа практик, связанных с рождением детей и их воспитанием, именно как подвида труда закономерна и обоснована.

Разработки, выполняемые в данной предметной области, обычно оперируют особой профильной категорией – «родительский труд». Разумеется, по поводу содержания и смысла этой категории ведутся определенные дискуссии. Однако мы полагаем, что общее понимание этого термина все же уже устоялось и его адекватно отражает определение, предложенное А.П. Багировой: в наиболее общем виде под родительским трудом можно понимать «процесс сознательной, целесообразной деятельности субъектов труда, с помощью которой они формируют количественные и качественные характеристики человеческого капитала детей, удовлетворяя в процессе этого труда как общественные, так и личные потребности» [3, с. 6].

Фундаментальность и запутанность объяснительных моделей в области изучения родительского труда говорят о том, что полноценный анализ этой темы требует последовательного ответа на целый ряд непростых вопросов. Очевидно, что, несмотря на наличие многочисленных профильных исследований и давний интерес к теме, социологический анализ родительского труда пока сопровождается большим числом неясностей, явное понимание которых у ученых пока не сложилось. Одной из таких принципиальных неясностей является специфика мотивации субъекта родительского труда. Принимая как данность саму возможность рассмотрения деятельности родителей как подвида труда, ученые расходятся во мнениях о том, что стоит за самым намерением людей совершать подобный труд. В данной работе, опираясь на теоретико-методологический анализ философской и социологической литературы, мы представим свою версию ответа на этот вопрос.

Теоретические основания выделения мотивов родительского труда

Поставленный вопрос о мотивах субъекта родительского труда по своей запутанности едва ли уступает исходной идее о том, что практики по рождению и воспитанию детей вообще принципиально возможно рассматривать именно как труд. Разумеется, у родительского труда (как и у любого другого) существует некий субъект, а у этого субъекта, в свою очередь, есть цели, которые и определяют вектор и характер его действий. К тому же возможно предположить, что, поскольку суть родительского труда в любом случае связана с процессом рождения и воспитания детей, то и система мотивов субъекта такого труда тоже должна лежать где-то в соответствующей плоскости. Однако при всей очевидности подобных положений, выявление конкретных мотивов, напрямую влияющих на специфику деятельности субъекта родительского труда, представляет собой очень сложную задачу. Причем трудности в данном случае связаны не только с дискуссиями о том, какие конкретные действия являются проявлениями родительского труда, но и с по-

тенциальным разнообразием лиц, которые могут брать на себя роль субъекта такого труда (ведь это могут быть не только родители, но и другие родственники и даже иные люди – няни, учителя и т.п.). Однако, как мы полагаем, возможно выделить несколько аналитических подходов, опора на которые поможет нам приблизиться к пониманию мотивов субъекта родительского труда.

Первым подходом, который потенциально может использоваться для выявления и систематизации мотивов субъекта родительского труда, является теория социального действия, разработанная М. Вебером. Теория М. Вебера подразумевает, что все возможные действия человека можно подразделить на четыре типа: целерациональные (совершаемые осознанно с прагматической ориентацией на выгоду), ценностнорациональные (совершаемые осознанно с ориентацией на соответствие неким убеждениям), традиционные (совершаемые исключительно в силу привычки) и аффективные (совершаемые под воздействием сиюминутных эмоций) [7]. Опора на подход М. Вебера позволяет прийти к выводу, что перечень мотивов субъекта родительского труда может сводиться к ориентации либо на выгоду, либо на убеждения, либо на привычку, либо на эмоции. Безусловная логика в таком подходе прослеживается: родительский труд заведомо ориентирован на других (как минимум на детей, которые являются объектами труда), а потому он действительно представляет собой очевидную разновидность социального действия. Тем не менее, несмотря на крайне широкую применимость теории М. Вебера (и даже универсальность, как признают многие современные теоретики, например, Х. Йоас [12]), опора на нее в данном случае все же не вполне оправдана. Сама суть любого труда (в том числе родительского) предполагает осознанность, поэтому выделение иррациональных, аффективных мотивов субъекта родительского труда, неизбежное при опоре на подход М. Вебера, в данном случае не совсем уместно.

Еще один концептуальный подход, который может использоваться для понимания мотивов субъекта родительского труда, мы можем получить, опираясь на положения теории социальных систем Т.

Парсонса [17, с. 20]. Согласно теории Т. Парсонса, любая личность является некоторой системой ориентаций и мотиваций к действию, вектор и характер действий которой всецело определяется так называемыми «потребностными диспозициями». В свою очередь, «потребностные диспозиции» заданы культурной подсистемой общества и побуждают людей действовать тем или иным образом, реагируя на запрос окружающего социального контекста. Поэтому, опираясь на подход Т. Парсонса, мы можем заключить, что мотивация субъектов родительского труда в значительной степени определяется тем, какие сигналы, запросы они получают из внешней среды. Хотя теория Т. Парсонса и оказалась концептуально сложной и не раз подвергалась критике за излишний догматизм, она получила довольно широкое распространение в науке и не раз становилась фундаментом конкретных социологических исследований. Однако, как верно отмечает О.А. Никифорова, теория Т. Парсонса фактически игнорировала самостоятельность личности: логика его действий зависит не от внутреннего состояния и предпочтений, а сугубо от того, какой именно стимул она получает извне [16, с. 235]. Мы исходим из того, мотивация субъекта родительского труда определяется не только внешними раздражителями, но и внутренними состояниями субъекта, а потому опора на этот подход в данном случае видится нам тоже не целесообразной.

Иной аналитический вектор обозначает теория символического интеракционизма, базовые положения которой заложены в трудах Дж.Г. Мида [13] и Г. Блумера [5]. В основе этого подхода лежит идея, согласно которой как таковая мотивация действий человека вне зависимости от степени их рациональности определяется его стремлением дать определенный символический сигнал окружающим людям. С позиций символического интеракционизма, можно сказать, что нередко содержание и фактический результат действия могут иметь для его субъекта очевидно меньшее значение, нежели символическое соответствие этого действия тем установкам, который субъект считывает в качестве запроса своих референтных групп. Исследовательская популярность символического интеракционизма и его

дальнейшее бурное развитие (например, в работах И. Гофмана [8] и Б. Латура [9]) объяснима: эта теория базируется на нетривиальной концептуальную установку и фактически ставит во главу угла наличие скрытого символического смысла в действиях людей, позволяя иначе интерпретировать многие социальные практики. Однако в нашем случае опора на идеи символического интеракционизма обладает лишь ограниченной плодотворностью: как мы полагаем, мотивы родительского труда следует понимать более широко.

Поиск мотивов субъекта родительского труда возможен также с позиций теории мотивации, предложенной психологом А. Маслоу [14], и дополненной исследованиями более поздних авторов (например, Р. Инглхартом и К. Вельцелем [11]). Сущность подхода А. Маслоу заключалась в том, что в основе действий человека всегда лежит ощущение субъективной неуовлетворенности какой-то из его базовых потребностей. Причем потребности человека выстроены в уровневую систему: пока не удовлетворены потребности более низкого уровня, человек равнодушен к удовлетворению потребностей более высокого уровня. Экстраполяция соответствующих идей на теории родительского труда позволяет нам приблизиться к пониманию мотивов субъекта. Можно заключить, что мотивация субъекта родительского труда по своей сути ситуативна и всегда определена теми потребностями, которые считываются им как наиболее актуальные и нереализованные. Перспективы использования этого подхода видны невооруженным взглядом, ведь сама идея о том, что действия человека определены потребностями, имеющими для него ситуативную актуальность, более чем логична. Тем не менее, определенную уязвимость для этого подхода создает его неконкретность трактовки потребностей и – как следствие – релятивизм всей теории. Проблема в том, что механизм формирования и актуализации потребностей в данном случае остается не проясненным, как и динамика запроса на их удовлетворение у конкретного человека. Соответственно, опираясь на этот подход, мы можем взять за основу логичную предпосылку, но рискуем получить принципиально спорные исследовательские выводы.

На наш взгляд, для установления системы потенциальных мотивов, лежащих в основе деятельности субъекта родительского труда, будет наиболее плодотворно обратиться к теории детерминации человеческого действия, которую представил в своих трудах А.В. Меренков. Теория А.В. Меренкова предполагает, что в основе любой деятельности человека лежит одна исходная предпосылка – осознание человеком необходимости ее совершить [15, с. 144]. В свою очередь, необходимость приводит к появлению потребности, то есть определенной установки на совершение конкретного поведенческого акта, направленного на преодоление возникшей необходимости [15, с. 149]. Собственно действия субъекта, возникающие в результате этой схемы, могут быть разными – они могут и ориентироваться на воспроизводство уже устоявшихся практик, и на создание чего-то нового. Важно, что, хотя теория А.В. Меренкова и созвучна положениям теории А. Маслоу и его последователей, автор не отождествляет действия человека с простыми реакциями на механические раздражители и допускает за человеком возможность выбора и даже планирования своих действий, запрос на которые возникает у него после осознания необходимости и потребности [15, с. 152].

Основные мотивы субъекта родительского труда

В итоге, принимая за основу подход А.В. Меренкова, мы должны определить исходные необходимость и потребность, с которыми сталкивается потенциальный субъект родительского труда и которые, в сущности, и являются главными мотивами его действий. Мы полагаем, что тут можно выделить несколько базовых мотивов.

Первый мотив. Любовь, крайняя эмоциональная симпатия. Любью родительский труд предполагает интенсивное и эмоционально близкое взаимодействие с объектом труда. Соответственно, мы предполагаем, что распространенным мотивом субъекта родительского труда может становиться чисто эмоциональная потребность в интенсивном общении с объектом родительского труда, детьми, и повышенная эмоциональная симпатия к этому объекту. Родительский труд воспринимается субъектом этого труда как самостоятельная и

очень значимая ценность, находящаяся за рамками возможных выгод или затрат. Субъект получает удовлетворение просто от того, что помогает развитию ребенка и, отдавая себе отчет в существовании сложностей на этом пути, полагает, что они не играют большой роли в его жизни. Как мы полагаем, подобная мотивация возникает у субъекта родительского труда либо в результате проявления природных инстинктов (поскольку мы не можем исключать, что отцовский и материнский инстинкт непосредственно заложены в природу человека), либо в случае необходимости компенсаторной любви (когда фактически субъект переносит на ребенка ту любовь, которую изначально ориентировал на другого и уже объективно отсутствующего человека – например, на умершего мужа/жену).

Второй мотив. Продолжение рода. Человек – биосоциальное существо, и в основе его поведенческих актов лежат не только чисто социальные факторы, но и целый ряд предрасположенностей, заложенных в природе. И здесь необходимо учитывать, что, несмотря на разные среды обитания, длительность жизни и доминирующие практики существования, все живые организмы так или иначе сходятся в одной поведенческой предрасположенности – они склонны размножаться и воспроизводить свой биологический вид. Поэтому вполне резонным представляется предположение, что мотивация субъекта родительского труда подразумевает стремление к воспроизводству собственного биологического рода и/или собственного рода, семьи. Желание заниматься родительским трудом может быть связано со стремлением вырастить ребенка, который в дальнейшем станет неким продолжением семьи или, возможно, дела, которым занимается человек, уже после того, как его самого не станет. Мы полагаем, что этот мотив не верно будет отождествлять с первым, любовью к детям, поскольку речь в данном случае в первую очередь не о стремлении к любви, а о желании помочь ребенку стать продолжателем того рода, к которому принадлежит сам человек. Этот мотив, по нашему мнению, проявляется тогда, когда человек особенно остро ощущает конечность своего собственного существования и чувствует необходимость хотя бы символически защититься от этого ощущения.

Третий мотив. Выполнение общественного долга. Сам по себе родительский труд ориентирован на решения важной для общества задачи – производство и воспроизводство человеческих ресурсов. Очевидно, что общество будет испытывать проблемы в том случае, если такой труд реализуется неэффективно, а потому оно потенциально всегда будет заинтересовано в том, чтобы люди осознанно выполняли соответствующую работу. И любой субъект родительского труда заведомо делает дело, которое в долгосрочной перспективе может оказаться полезным для общества в целом. Поэтому, как мы полагаем, одним из возможных мотивов субъекта родительского труда может быть стремление выполнять некую полезную для общества работу, совершать поступки, которые в последующем могут оказаться важными и полезными для всех. Здесь важно понимать, что само по себе стремление совершать некие полезные для общества поступки может быть характерно далеко не всем людям, а даже в том случае, если нужда в таком поведении существует, она может быть реализована множеством разных путей. Соответственно, как мы полагаем, такой мотив родительского труда возникает в силу осознания необходимости общественного признания в ситуации, когда получить такое признание каким-то иным образом затруднительно.

Четвертый мотив. Выполнение личного долга. Данный мотив родительского труда созвучен предыдущему, но имеет несколько иную природу и возникает в силу других причин. Речь в данном случае идет о том, что человек может добровольно брать на себя роль субъекта родительского труда, не испытывая явной личной заинтересованности в этом и не руководствуясь стремлением выполнять некое полезное для общества дело, а стремясь в первую очередь соответствовать своим представлениям о правильном и ответственном поведении – возможно, просто личным убеждениям, государственной идеологии или, например, постулатам религиозного учения. Особенность этого мотива заключается в том, что выполнение родительского труда совсем не обязательно предполагает явную эмоциональную заинтересованность в процессе, симпатию к объекту труда, ориентацию на выгоду или намерение делать об-

щественно полезное дело. Субъект родительского труда в данном случае чисто механически взваливает на себя обязательства по выполнению этого труда, потому что, хотя он сам этого и не хочет брать на себя такой труд, его внутренняя система убеждений, ценностей, препятствует какому-то иному поведению. Как мы полагаем, подобный мотив родительского труда может проследиваться в том случае, если человек испытывает необходимость принципиально следовать некой системе убеждений и ощущает, что, отступая от такой системы, будет ощущать себя морально дезориентированным или даже неполноценным.

Пятый мотив. Изменение социального статуса. Сам по себе факт появления ребенка и уход за ним напрямую могут сказаться на социальном статусе того, кто занимается подобной деятельностью. Как минимум это проявляется в том, что субъект родительского труда тратит значительное время на выполнение этого труда и, соответственно, имеет гораздо меньше возможностей для привычных форм профессиональной и досуговой активности. Кроме того, субъект родительского труда потенциально может претендовать на особое отношение к себе и ребенку со стороны государства и общества, причем как на основе формальных послаблений, так и на основе негласных социальных норм. Еще более очевидно то, что человек, становящийся субъектом родительского труда, получает доступ в те социальные сообщества, в которые он ранее не попадал – в группу родителей, или вообще в группу семейных людей (например, в том случае, когда грядущее рождение ребенка становится решающим стимулом для заключения брака). Разумеется, не всегда становление субъектом родительского труда будет подразумевать именно повышение социального статуса человека – нередки случаи, когда после появления детей уровень жизни их родителей падает из-за невозможности в той же мере выполнять свои профессиональные обязанности или непредвиденных расходов. Но само по себе изменение социального статуса в такой ситуации более чем вероятно. Соответственно, мы полагаем, что достаточно распространенным мотивом субъектов родительского труда оказывается желание изме-

нить свой социальный статус, вызванное осознанием дискомфорта или бесперспективности своего положения в обществе.

Шестой мотив. Получение материальной выгоды. Как мы уже отмечали выше, вопрос выполнения полноценного родительского труда обладает витальной значимостью для общества, а это побуждает его стимулировать и поощрять тех субъектов, которые берут на себя обязательства по выполнению такого труда. Система поощрения такого субъекта может быть разной в различных государствах и совсем не обязательно будет сводиться к чисто монетаристскому поощрению. Речь может идти как о различных финансовых выплатах со стороны государства, так и о льготах, дополнительных карьерных послаблениях, квотах на предоставление дефицитных благ и об иных вещах. Однако речь в любом случае идет о некоей системе прямых или косвенных вознаграждений, которые общество эксклюзивно предоставляет только субъектам родительского труда. Принимая во внимание это обстоятельство, можно предположить, что один из возможных мотивов субъекта родительского труда может сводиться к стремлению получить доступ к подобным эксклюзивным выгодам, тогда как выполнение родительского труда воспринимается скорее как инструмент достижения цели и не обладает самостоятельной ценностью. Логично, что такой мотив вряд ли бывает характерен субъекту родительского труда всегда, но априорно исключать его существование нельзя. Как мы полагаем, проявление этого мотива может быть характерно субъекту родительского труда в том случае, если он ощущает необходимость укрепления материального положения и рассматривает родительский труд как наиболее легкий инструмент для этого.

Седьмой мотив. Компенсация нереализованных личных амбиций. Процесс родительского труда подразумевает активное влияние субъекта на объекта и фактическую возможность планирования всей траектории его личностного, социального и профессионального развития. Иными словами, субъект родительского труда обладает достаточно сильной властью над будущим развитием объекта, ребенка, и получает возможность максимально точно направить

траекторию его развития в той или иное русло (другой вопрос – насколько часто и активно он пользуется такой возможностью). Таким образом, само выполнение родительского труда часто открывает для субъекта возможность опосредованного достижения тех или иных результатов, которые ему самому достигнуть проблематично. Выполнение родительского труда при таком раскладе не обладает для субъекта некой самостоятельной ценностью и выступает в первую очередь в качестве частного инструмента для достижения цели. Конечно, роль этого мотива вряд ли следует абсолютизировать, даже интуитивно мы не можем согласиться с тем, что он прослеживается в действиях большинства субъектов родительского труда. Но все же ситуации, когда он себя проявляет, существуют: на наш взгляд, именно с этим бывает связано распространенное явление, когда родитель диктует ребенку выбор профессии или брачного партнера, мотивируя это тем, что ребенок получит возможность реализовать то, что не получилось у него самого. Причина появления такой мотивации, как мы полагаем, связана как раз с противоречием между осознанием желания добиться некоего профессионального или личного результата и пониманием невозможности или сложности сделать это самостоятельно.

Таким образом, мы будем исходить из того, что возможно 7 различных вариантов мотивации субъекта родительского труда. В завершение работы отметим принципиальное уточнение: какую бы комплексную систему мотивов субъекта родительского труда мы ни выделяли в своих рассуждениях, она все равно будет ограничена и объективно не сможет претендовать на всеобъемлющий характер. Есть несколько причин такой ограниченности. Во-первых, едва ли хоть одна из классификаций мотивов субъектов родительского труда может быть признана стопроцентно точной и безоговорочной – мотивы действий человека могут быть крайне многогранными и непредсказуемыми (причем в том числе для него самого), а это значит, что всегда необходимо допускать возможность отклонения от любых аналитических классификаций. Во-вторых, каждый конкретный субъект родительского труда наверняка руководствуется системой,

комплексом мотивов, а не каким-то одним из них. В-третьих, система мотивов у любого субъекта родительского склонна к эволюции и может меняться с течением времени. Тем не менее, на данный момент, как мы полагаем, можно говорить о том, что сама суть мотивов субъектов родительского труда определяется характером потребностей и потребностей, с которыми они сталкиваются. И, как мы полагаем, опора на такой подход позволяет выделить определенную систему мотивов субъекта родительского труда, которую в дальнейшем можно апробировать в исследовательской практике.

Список литературы

1. Абилова М.Г. Активизация репродуктивного труда в России: методы оценки эффективности процесса и их реализация // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. 2010. № 3. С. 64–66.
2. Багирова А.П. Методология исследования репродуктивной активности как развитие теоретических основ экономики репродуктивного труда. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Екатеринбург. 2009. 353 с.
3. Багирова А.П. Мотивация родительского труда и регулирование установок на родительство населения Уральского региона. Екатеринбург. Изд-во Урал. ун-та. 271 с.
4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция. 2000. 384 с.
5. Блумер Г. Общество как символическая интеракция [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/16710989.html>
6. Быкова Д.Г. Оценка результатов родительского труда на примере его дошкольной стадии // Инновационные доминанты социально-трудовой сферы: экономика и управление. Материалы ежегодной научно-практической конференции по проблемам социально-трудовых отношений. Воронеж. 2016. С. 33–38.
7. Вебер М. Основные социологические понятия [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Weber/osn_soc.php

8. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного быта. М.: Институт социологии РАН. 2004. 752 с.
9. Ерофеева М. Акторно-сетевая теория и проблема социального действия [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/sociologiya-vlasti/soci-1-2015/26852-aktorno-setevaya-teoriya-i-problema-socialnogo-deystviya.html>
10. Ильшев А.М., Лаврентьева И.В. Стратегия включения репродуктивного труда в экономику России. М.: ИД «Финансы и кредит». 2005. 368 с.
11. Инглхарт Р., Вельзель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М. 2011. 464 с.
12. Йоас Х. Макс вебер и происхождение прав человека: исследование культурной инновации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 1. С. 32–50.
13. Кравченко Е.И. Научные мировоззрения Дж.Г. Мида в курсе истории и теории социологии // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 131–140.
14. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб: Питер. 2008. 352 с.
15. Меренков А.В. Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. Екатеринбург: УГТУ, 2007. 280 с.
16. Никифорова О.А. Феномен мотивации труда в социологии управления // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 1 (63). С. 233-238.
17. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс. 1998. 270 с.
18. Пшеничникова М.М. Родительский труд как объект экономического анализа // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 39. С. 23–29.
19. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. М.: АСТ. 2008. 569 с.

References

1. Abilova M.G. *Vestnik Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. G.I. Nosova*. 2010. № 3, pp. 64–66.
2. Bagirova A.P. *Metodologiya issledovaniya reproductivnoy aktivnosti kak razvitie teoreticheskikh osnov ekonomiki reproductivnogo truda*. Dis-

- sertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni doktora ekonomicheskikh nauk* [Methodology of research of reproductive activity as development of theoretical bases of economy of reproductive work. Thesis for the degree of Doctor of Economic Sciences]. Ekaterinburg. 2009. 353 s.
3. Bagirova A.P. *Motivatsiya roditel'skogo truda i regulirovanie ustanovok na roditel'stvo naseleniya Ural'skogo regiona* [Motivation of parental labor and regulation of attitudes toward the parenthood of the population of the Ural region]. Ekaterinburg. Izd-vo Ural. un-ta. 271 p.
 4. Bek U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern* [Risk Society. On the way to another modernity]. M.: Progress-traditsiya. 2000. 384 p.
 5. Blumer G. *Obshchestvo kak simvolicheskaya interaktsiya* [Society as a symbolic interaction]. <http://ecsocman.hse.ru/text/16710989.html>
 6. Bykova D.G. *Innovatsionnye dominanty sotsial'no-trudovoy sfery: ekonomika i upravlenie. Materialy ezhegodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii po probloemam sotsial'no-trudovykh otnosheniy* [Innovative dominants of the social and labor sphere: economics and management. Materials of the annual scientific and practical conference on the breakdown of social and labor relations]. Voronezh. 2016. P. 33-38.
 7. Veber M. *Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya* [Basic sociological concepts]. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Weber/osn_soc.php
 8. Gofman I. *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo byta* [Analysis of frames: an essay on the organization of everyday life]. M.: Institut sotsiologii RAN. 2004. 752 p.
 9. Erofeeva M. *Aktorno-setevaya teoriya i problema sotsial'nogo deystviya* [Actor-network theory and the problem of social action]. <http://www.intelros.ru/readroom/sociologiya-vlasti/soci-1-2015/26852-aktorno-setevaya-teoriya-i-problema-socialnogo-deystviya.html>
 10. Ilyshev A.M., Lavrent'eva I.V. *Strategiya vklyucheniya reproduktivnogo truda v ekonomiku Rossii* [The strategy of including reproductive labor in the Russian economy]. M.: ID "Finansy i kredit". 2005. 368 p.
 11. Ingkharth R., Vel'zel' K. *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, cultural changes and democracy: The sequence of human development]. M. 2011. 464 p.

12. Yoas Kh. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 2011. V. 14. № 1, pp. 32–50.
13. Kravchenko E.I. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2010. № 10, pp. 131–140.
14. Maslou A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. SPb: Piter. 2008. 352 p.
15. Merenkov A.V. *Chelovek: vzaimosvyaz' prirodnogo i sotsiokul'turnogo* [Man: the relationship of natural and sociocultural]. Ekaterinburg: UGGU, 2007. 280 p.
16. Nikiforova O.A. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 2008. № 1 (63), pp. 233–238.
17. Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The system of modern societies]. M.: Aspekt Press. 1998. 270 p.
18. Pshenichnikova M.M. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*. 2010. № 39, pp. 23–29.
19. Toffler E., Toffler Kh. *Revolutsionnoe bogatstvo* [Revolutionary wealth]. M.: AST. 2008. 569 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Черешова Светлана Васильевна, аспирант кафедры Социологии и технологий государственного и муниципального управления *Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина*
просп. Ленина, 51, г. Екатеринбург, Свердловская обл., 620075, Российская Федерация
s.v.chereshova@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Chereshova Svetlana Vasilevna, Postgraduate Student of the Chair of Sociology and Technology of the State and Municipal Administration *Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin*
51, Lenin Ave., Ekaterinburg, Sverdlovsk region, 620075, Russian Federation
s.v.chereshova@yandex.ru